

Л. Г. Хрушкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва)*

**«Раб, придворный историк и эмигрант»:
образ Никодима Павловича Кондакова в сочинениях Ивана
Фолетти**

Чешский историк искусства Иван Фолетти – автор многочисленных публикаций о Никодиме Павловиче Кондакове (1844–1925). Несколько лет назад Фолетти обнаружил в библиотеке Папского Восточного института (Pontificio Istituto Orientale, Рим) рукопись французского перевода утраченной книги Кондакова, – третьего тома исследования «Иконография Богоматери». Эта удача во многом решила научную судьбу Ивана Фолетти: он сделался специалистом по Н. П. Кондакову. Быстро пишется диссертация о Кондакове: в этом много помогли работы И. Л. Кызласовой, малодоступные западному читателю. Диссертация быстро издается¹. В периодике и различных сборниках появляется серия статей Фолетти о Кондакове или в связи с Кондаковым. Вскоре выходит английский перевод книги Фолетти². С одной стороны, сейчас Кондаков известен западному читателю лучше, чем любой другой русский историк искусства. С другой же стороны, образ Кондакова, сконструированный Фолетти, мало похож на реального Н. П. Кондакова, известного по источникам, документам и по трудам самого ученого.

Если собрать множество разнообразных характеристик, данных Фолетти Кондакову, получится картина пестрая и хаотичная. Кондаков – это западник, который видит отсталость России и страдает от комплекса неполноценности. Но он часто бывает и славянофилом. Кондаков – атеист, но может быть и «настоящим православным». Кондаков – конформист и карьерист, предавший либеральные убеждения своей юности. Он придворный искусствовед, близкий к императору и аристократическим кругам, но вот пришла советская власть, и он готов сотрудничать с нею. В публикациях Фолетти встречаем суждения самые неожиданные. Вот, например, одно из многих: «Kondakov was a serf, court historian and emigrant», – и все эти три момента сформировали идентичность Кондакова как «человека между мирами» и определили особенности его мировоззрения. При такой «легкости в мыслях необыкновенной», в публикациях Фолетти неизбежно встречаются курьезы. Ограничусь одним примером. По мнению Фолетти, Кондаков подчеркивал роль искусства Рима, потому что в слове Roma зашифровано имя династии Романовых. Но

¹ Хрушкова Л.Г. Никодим Павлович Кондаков: новая монография // Византия в контексте мировой культуры. ТГЭ. Т. 74. СПб., 2015. С. 466–487.

² Foletti I. From Byzantium to Holy Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) and the Invention of the Icon / Transl. by S. Melker. Roma, 2017.

ведь по-русски Roma – это Рим. Какие пустяки: изыскания Фолетти адресованы читателю, не владеющему русским языком.

О некоторых исследовательских приемах Ивана Фолетти мы уже писали. Среди них – искаженное цитирование, меняющее смысл высказывания Кондакова на прямо противоположный. Таким способом Фолетти «доказал», что Кондаков был атеистом¹. Другой пример. Одну свою статью Фолетти озаглавил: «Mon seul regret: être né en Russie». Эту вымышленную фразу Фолетти произносит от имени Кондакова, который, впрочем, ее никогда не произносил. В последнее время И. Фолетти обратился к новой для него теме: Кавказ, Кондаков на Кавказе. Читатель убеждается в том, что Фолетти недостаточно знаком с биографией Кондакова, с его трудами и взглядами, в частности, на роль Константинополя. Фолетти рассматривает экспедицию «придворного историка искусства» Кондакова в Западную Грузию в контексте русификаторской политики Александра III. Этот политизированный взгляд Фолетти представляет как новый и современный. Однако он вовсе не нов. Историки искусства сталинской эпохи с легкостью доказывали, что, например, Генрих Вельфлин (1864–1945) был «в известном смысле предвестником позднейшего развития фашизирующей буржуазии»². Фолетти, используя такую же политизированную оптику и избранный им метод «чтения между строк», стремится доказать, что русский император специально послал в Грузию русского ученого с особой русификаторской миссией. Фолетти даже задается вопросом о взглядах Александра III на проблемы истории искусства. Поскольку никаких данных об этом не существует, делается вывод, что взгляды Александра III были такими же, как у Кондакова.

Работая в богатых монастырских ризницах Западной Грузии, Кондаков составил опись хранящихся там ценностей с целью воспрепятствовать хищениям. В этой экспедиции участвовал известный грузинский историк и археолог Дмитрий Захарович Бакрадзе (1826–1890), который стал соавтором Кондакова. Однако Фолетти не интересуется ни результатами работы Кондакова, ни вкладом Бакрадзе, который читал грузинские надписи. Ни то, ни другое не вписывается в картину русификаторства, которым занимался усталый и больной Кондаков, разезжая в сырых низменных местах Менгрелии по пыльным сельским дорогам, под палящим солнцем августа 1889 г.

Недавно вышедший английский перевод первого, итальянского, издания книги Фолетти о Кондакове не содержит никаких изменений в тексте, ни

¹ *Khrushkova L. G.* Geschichte der christlichen Archäologie in Russland vom 18. bis ins 20. Jahrhundert (2. Folge) // *Römische Quartalschrift*. 2012. Bd. 107. S. 97–99.

² *Хрушкова Л. Г.* Изучение христианских памятников Кавказа и современные дискуссии // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2018. Вып. 10 (1). С. 90–92.

исправлений хотя бы наиболее скандальных несообразностей итальянской версии.

Читая публикации И. Фолетти, трудно избавиться от впечатления, что Никодим Павлович, в благодарность за публикацию рукописи его книги, обязан безотказно обслуживать интересы Фолетти. Конечно, мы далеки от мысли, что абсолютно все работы Фолетти о Кондакове написаны в легком стиле непринужденной безответственности. Речь идет только об отдельных страницах, пассажах, фрагментах, о некоторых идеях, тенденциях и выводах. Одно бесспорно: продукция Фолетти адресована читателю, который, не зная русского языка, не может составить собственное независимое мнение о качестве аргументации и методах известного в западном мире «кондакововеда».

А. Г. Цыпкина
Архив РАН (Москва)

Итоги и результаты Трапезундских экспедиций Ф. И. Успенского

Академик-византинист Ф. И. Успенский исследовал Трапезунд летом 1916 г. и летом 1917 г. Участники его экспедиции, однако, провели там гораздо меньше времени. Среди мероприятий по изучению города, предпринятых учеными, стоит выделить раскопки, в ходе которых были найдены (предположительно) мощи св. Евгения и останки трапезундского императора Алексея IV Комнина.

Некоторое количество времени было уделено изучению фресковой живописи (церкви св. Евгения, св. Софии, св. Анны, Дворцовой церкви). Тогда как материалы экспедиции по изучению живописи св. Софии могут быть интересны только с историографической точки зрения, фотографии фресковой живописи других храмов дают новый для историков материал.

Кроме того, по просьбе Ф. И. Успенского военным инженером М. Э. Керном были составлены планы акрополя Трапезунда с некоторыми измерениями. На фотографиях экспедиции были обнаружены три башни, две из которых не существуют более (кула Иоанна и Дворцовая), а третья – башня Мехмеда – дошла до наших дней в измененном виде и худшей сохранности.

Можно предположить, что башня Мехмеда II была построена с целью защиты, когда верхний город еще не потерял такого значения. Поскольку начало постройки среднего города относится к началу – середине XIV в., вероятнее всего, что эту башню можно датировать концом XIII в., что совпадает с анализом А. Брайера и Д. Винфилда кладки крепости. Исследователи относят кладку кулы к типу DI, что соответствует концу XIII в.¹

---

¹ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. I. P. 192.